

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛИТЕРАТУР ВОСТОКА

МУХТАРОВ ТИМУР

Доктор филологических наук, профессор, ТашГИВ

Аннотация. В статье рассматривается литературный процесс арабского средневековья в период его наивысшего расцвета (VIII–XII вв.).

Опорные слова и выражения: символ, смысл, мышление, культура, жанр, сравнительный анализ.

Аннотация. Мақолада ўрта аср (VIII–XII асрлар) араб адабий жараёнининг энг ривожланган даври кўриб чиқилган.

Таянч сўз ва иборалар: рамз, маъно, тафаккур, маданият, жанр, қиёсий таҳлил.

Abstract: This article examines the literary process of Arabic Middle Ages (VIII–XII) – golden age of Arabic literature.

Keywords and expressions: symbol, meaning, thinking, culture, genre, comparative analysis.

Одна из самых важных и насущных задач литературной науки сегодня – разработка новых, отвечающих современным требованиям курсов истории литературы – как отечественной словесности, литературы XX века, так и литературы сопредельных стран Востока. От решения этой задачи зависит уровень преподавания литературы в университетах и профильных вузах, более того, так или иначе новые подходы, новые идеи, созвучные времени, скажутся и в преподавании литературы в школе, написании школьных учебников. А ведь именно преподавание литературы является одним из важных факторов, направленных на воспитание высокообразованного, гармонично развитого молодого поколения. «Только по настоящему образованный человек может высоко ценить достоинства человека, сохранять национальные ценности, повышать национальное самосознание, самоотверженно бороться для того, чтобы жить в свободном обществе, чтобы наше независимое государство заняло достойное, авторитетное место в мировом сообществе»¹.

Мировая культура не есть только совокупность культурных срезов современности, произведенных на разных континентах и у различных народов. У каждой отдельно взятой культуры есть свое прошлое, в том или ином виде присутствующее в современности. И только в сравнении с этим прошлым, с этим безвозвратно ушедшим состоянием можно понять достаточно глубоко и полно нынешнюю стадию своей культуры.

В последние десятилетия средневековая литература все больше привлекает внимание востоковедов, в работах которых особо подчеркивается эстетическое значение средневековой литературы, важность для нее категории стиля при обусловленности стиля этикетностью и внелитературной функциональностью, орнаментальностью, ее особых «дополнительных» отношений с фольклором. Хотелось бы особо отметить значение изучения средневековой литературы для общего (историческая поэтика) и сравнительного литературоведения.

¹ Каримов И. А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. Речь Первого Прези-

дента Узбекистана Ислама Каримова на девятой сессии Олий Мажлиса РУз 29 августа 1997 г. // Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. – Т.: Шарк, 1997. – С. 5–6.

Определяющая роль жанров в средневековой литературе и их взаимосвязанность обуславливают характер средневекового литературного процесса. В отмирании или видоизменении одних жанров, рождении других и вызванной этими процессами перестройке системы словесности и проявляет себя реальная литературная эволюция. При этом для подлинно исторического изучения литературной системы необходимо исследовать не только сами литературные памятники, но и присущие данной традиции и зафиксированные ею представления о литературе.

Культура изначально представляет собой сплав различных представлений, при этом в один комплекс включаются элементы неодинакового происхождения, пришедшие, нередко, из разных эпох. Эти гетерогенные компоненты одной культуры как-то объединены, но они не едины, продолжая сохранять в той или иной степени свою самобытность. И очень опасно по одному лишь «верхнему» ряду, по индивидуально окрашенным творениям видных писателей или поэтов эпохи формировать представление о её культуре в целом, так как, наряду с «большой» литературой, так сказать, «респектабельной», с точки зрения ученых-литературоведов, в самые разные эпохи существовала еще и другая словесность – устная или фиксируемая, в зависимости от обстоятельств, и имевшая хождение в «низах» с тенденцией проникновения во все слои общества. Лишь изучение истории становления всего комплекса жанров, характерного для конкретного цивилизационного периода народа, генезиса, эволюции, поэтики его восприятия, способно дать адекватное представление о его ценности в национальном или мировом масштабе, о творчестве средневековых писателей и поэтов и их месте во всемирной литературе.

Речь идет об историческом месте, роли и значении той литературы, которая возникла в средневековой арабской словесности в середине IX века и представляет собой, по своим темам и мотивам, предтечу европейского «плутовского романа» XV–XVI вв. Зародившись в

результате нарастающего протеста городских низов против засилья власти, как жанр, типичный, прежде всего, для средневекового города (не только на Востоке, но и на Западе), как часть особой, так называемой, народной, «низовой» литературы¹, жанр *Хикаят аш-Шуттар ва ал-аийярин*, то есть «Рассказы о разбойниках и плутах», впоследствии появляется и в сочинениях средневековых историков, таких как Ат-Табари (ум. 923 г.), Масуди (ум. 956 г.), Ибн ал-Калби (ум. 821), Ибн Кутейба (828–889) и других, а также в произведениях профессиональных писателей Ал-Джахиза (775–868), Ибн Абд ар-Раббиhi (858–940), Ат-Танухи (940–994), Ал-Абшихи (1388–1446), Абу-Фараджа ал-Исфагани (897–967). Это своеобразное литературное течение, обозначенное нами как *городская литература* – простонародное, популярное, «низовое» – по своему характеру во многом близко явлению так называемой «массовой литературы», которая может вступать в различные отношения с современной ей «высокой» литературой (агиографической, дидактической): либо копировать её, представляя собой упрощенный её вариант, либо как вариант, переведенный на значительно более примитивный язык. В арабскую средневековую литературу вторгается совершенно непривычный герой – нищий, вор, воровка, ловкач, плут, скупец и т.д. – литература впервые обращает внимание на существование таких персонажей в обществе.

Памятники, относящиеся к городской литературе, различны по размеру, тону, набору персонажей, языку и стилю. У них очень разные сюжеты – от короткого анекдота (надира) до длинного обстоятельного рассказа о сложных перипетиях описываемого события (кисса, сира). Со страниц городской литературы перед читателем встает объемная картина средневе-

¹ В Европе аналогом является творчество вагантов, шпильманов, мейстерзингеров, базошей, сотов. Без немецких ширухов и шванков, французских фарсов, соти и фаблио, итальянских фацей история европейских литератур предстала бы существенно обедненной.

ковой жизни, групповой портрет жителя средневекового восточного города.

Эволюция жанров – от возникновения в народной среде до оформления в повествованиях письменной литературы – являет собой пример тесного взаимодействия двух основных пластов средневековой культуры, выделяемых современной медиэвистикой – «народного» и «ученого»¹.

Словесное творчество всех народов в большей или меньшей степени, прямо или косвенно запечатлевает основные черты общественной психологии своего времени. С этой точки зрения образ главного персонажа «Рассказов о плутах...» *аййара*, его интерпретация в разных формах словесного творчества, в равной степени, как и породившая его культурно-историческая почва, представляют серьезный интерес как в историко-филологическом, так и в социально-психологических планах. Образ *аййара* (плута), каким он изображен в письменных источниках, представляет собой не столько реального вора, грабителя, разбойника, сколько его фольклорно-литературную транскрипцию. С такой оговоркой следует говорить о реализме «рассказов о ворах», поскольку в их основе лежит определенная историческая действительность, хотя и несколько преобразованная в фольклоре и литературе и тенденциозно обрисованная в исторических сочинениях.

Эпоха, в которую создавались произведения арабской городской литературы – IX–XII века – это время упадка и распада Багдадского халифата. Власть Халифата становится эфемерной, на местах в провинциях идет жестокая борьба, власть переходит из рук в руки. На дорогах не утихают грабежи и разбой, хиреет торговля. Положение осложняется растущими как грибы религиозными сектами, обвинявшими своих оппонентов во всех смертных грехах. Феллахи покидают свои поля и становятся бродягами. Эпидемии и голод опустошают целые области и города. В такой обстановке, естественно, народ не мог воспринимать собственную судьбу и творившееся вокруг иначе как

нескончаемое следствие дурного правления; вор казался лучше правителя-взяточника и судьи-вымогателя, съедающего деньги сирот². Ощущение постоянного страха в городах и деревнях, то и дело подвергавшихся нашествию всякого сброда, дороговизна, всяческого рода лишения, чума, войны и разбой, вечная угроза стать жертвой жестокого и несправедливого правосудия, а, помимо всего этого, еще и гнетущая боязнь адских мук не давали угаснуть чувству всеобщей незащитности.

Сильнее всего выразить глубокое разочарование, характерное для этого времени, и было суждено городской повествовательной прозе, которую мы, как уже говорилось выше, считаем предтечей европейского плутовского романа. Принято считать, что плутовский роман зародился в Испании в середине XVI века и вскоре распространился по всей Западной Европе. Вполне вероятно, что именно арабская средневековая проза оказала в данном случае влияние на западноевропейскую литературу. Низовое течение арабской городской литературы IX–XIII вв. обнаруживает значительные типологические схождения с соответствующими течениями в литературах и Запада, и Востока. Их возможное сравнительное изучение представляется целесообразным и плодотворным в связи с такой масштабной задачей будущего, как создание единой истории литератур народов Востока. Кроме того, такое исследование может послужить реализации обширной и интересной темы, предусматривающей монографические исследования «мировоззрений смеха» в их глубоких отношениях к взглядам на мир в данном обществе, а также исследование «истории смеха» как истории одной из важнейших частей человеческой культуры.

В западноевропейской литературоведческой науке, по образному выражению М. Бахтина, теме «о плутах, шутах и дураках»³ посвящена поистине огромная научно-исследовательская литература, где плутовский роман, городская новелла, анекдот представлены как

¹ См. об этом: Михайлов Д.М. Старофранцузская городская повесть. – М.: Наука, 1986. – С. 348.

² Ат-Таннухи. // Киссас ал-араб. Т. 1. – С. 151.

³ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 308–320.

важнейшая и неотъемлемая часть литературного процесса Средневековья и культуры того времени в целом¹.

Одним из первых по времени исследований, затрагивающих проблемы *городской литературы*² Арабского Востока, была статья Д. С. Маргоулиса «Остроумие и юмор в произведениях арабских писателей», вышедшая в журнале «Islamic Culture» в 1927 г.³ В 1954 г. в том же журнале была опубликована статья Абд-л-Азиза Абд-л-Маджида, представляющая собой краткий обзор арабских повествовательных жанров городской литературы фольклорного и полуфольклорного свойства. К ним автор статьи относит произведения *кисса, надира, лятифа, хабар, макама, хикая, сира, ривая*. Наиболее ярким и плодотворным периодом развития городской литературы, по мнению автора статьи, являются X–XIV вв. Именно в этот период были созданы и зафиксированы письменно наиболее известные памятники, относимые нами к городской литературе: «Китаб аль-Аснам» Ибн аль-Калби (ум. 821), «Китаб аль-бухала» Аль-Джахиза (775–868), «1001 ночь» и

«101 ночь», «Сират Али-Зибак» и «Занимательные истории» аль-Ибшихи (850/1446) и др. (см. раздел «Источники исследования»). Так, например, Ф. Сизгин – известный историк арабской литературы, приводит около 200 антологий рассказов о ворах, нищих, плутах, *айярах*⁴.

В 1956 году на немецком языке вышла монография Ф. Роузенталя «Юмор в раннеисламский период», автор которой рассматривает занимательный рассказ как жанровое обозначение и применяет его как к сфере устного творчества, так и к литературе.

Тема «низовой» литературы и её жанров присутствует и в статье Ш. Пелла «Вариации на тему адаба»⁵, в которой автор детально исследует «адабный» материал, особо отмечая так называемый «народный адаб». «Составлялись специальные сборники плутовских новелл, отдельные рассказы о ворах, плутах можно было найти в самых старых книгах адаба, начиная с аль-Джахиза»⁶.

Заслуживает внимания ряд работ американского востоковеда Ф. Малти-Дугласа. Первой из них является диссертация, защищенная в 1977 г., посвященная текстологическому анализу произведения Аль-Джахиза «Китаб аль-бухала». Позже, в 1973 году в журнале «Journal Asiatique» была опубликована статья «Микропоэтика «Аль-Бухала»»⁷.

Можно также отметить исследование голландского ученого Гирта Яна ван Гелдера «Смесь шутки и серьезного в классической арабской литературе», вышедшее в «Journal of Arabic Literature» в 1992 г.

Многое сделано для изучения «низовой» литературы арабского средневековья и в арабском мире. Так, например, арабский литературовед Шауки Дайф в 1954 году опубликовал

¹ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 316–348; Лихачев Д. Исследования по древнерусской литературе. – Л.: Наука, 1986. – С. 404; Гуревич А. Средневековый мир. – М.: Искусство, 1990. – С. 386; Типология и периодизация культуры Возрождения: Сборник статей / под редакцией В. Рутенбурга. – М.: Наука, 1978. – С. 279; Культура Возрождения и общество: Сборник статей / под редакцией В. Рутенбурга. – М.: Наука, 1986. – С. 230; Попова Т. Византийская народная литература. – М.: Наука, 1985. – С. 271.

² О «городской литературе». В целом подробнее см.: Й. Хейзинга. Осень средневековья. – М.: Наука, 1988. – С. 165–170; Михайлов А. Д. Старофранцузская городская повесть (фаблио). – М.: Наука, 1986. – С. 38–45; Мочалова В. В. Мир наизнанку (народно-городская литература Польши XVI–XVII вв.). – М.: Наука, 1985. – С. 5–15; Гуревич А. Я. Средневековый мир (культура безмолвствующего большинства). – М.: Искусство, 1990. – С. 161–170; Рыбак А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. – М.: Наука, 1980. – С. 3–40.

³ Margolionth D. S. Wit and humor in Arabic author. // Islamic Culture. The Hyderabad quarterly revive. – Vol. 1. – Hyderabad, 1927. – P. 522–534.

⁴ Сизгин Ф. Тарих аль-Адаб аль-Араби. V том. – Аль-Кахира, 1979. – С. 256. (на араб.)

⁵ Пелла Ш. Вариации на тему адаба // Арабская средневековая культура и литература / под ред. Д. В. Фролова. – М.: ГРВЛ, 1978. – С. 60–77.

⁶ Там же. – С. 65.

⁷ Malti-Douglas F. The micropoetics of the Bukhala anecdotes: al-Jahiz and al-Hatib al-Bagdadi // Arabica Revue d'etudes arabes. – Vol. XXVII. – Leiden, 1980. – P. 300–320.

книгу «аль-Макама»¹, в которой изложил свою версию истории появления особого жанра – арабской авторской новеллы городского типа. Однако, не учитывая методологического принципа историзма, не касаясь деталей, он лишь в общих чертах рассуждает об отдельных аспектах творчества авторов макамого жанра.

Среди арабских литературоведов можно также отметить исследования Ихсана Аббаса, Луиса Аввада, Махмуда Таршуна и других².

Востоковедное литературоведение всегда отставало от западного, поэтому о городской литературе Востока практически нет исследований, если не считать упоминаний и ссылок и каких-то, так сказать подступов к проблеме в монографиях И. Спешнева «Китайская простонародная литература» (М., 1986), Г. Свиридова «Японская средневековая проза сэцува» (М., 1981). В 1986 г. был опубликован перевод Н. Кондыревой с персидского языка народного романа «Самак-айяр» с вступительной статьей, в которой пишется о значительном влиянии персидской литературы на арабскую художественную прозу и, в частности, о преемственности образа *айяра* Самака и плута Али Зибак, мошенника из «1001 ночи». Интересна, но, по-видимому, все же спорна мысль Н. Кондыревой о целостности и завершенности произведения, что, по её мнению, позволяет считать роман «Самак-айяр» авторским³.

Арабской средневековой литературе в этом смысле повезло намного больше. К началу XX века в мусульманских странах, Европе и России, а позже в Узбекистане были опубликованы основные памятники арабской литературы от её зарождения до периода позднего средневековья. В трудах русских ученых, ис-

следовавших историю арабской литературы⁴, городской жанр чаще всего упоминается лишь в сносках. Счастливым исключением составляют работы И. Фильштинского⁵, А. Долининой⁶, Б. Шидфар⁷ и В. Борисова⁸. Определенный интерес представляют собой переводы макама Аль-Харири и Баади аз-Замана аль-Хамадани – классической арабской средневековой новеллы, снабженные вступительной исследовательской частью. Но ни А. Долинина, ни З. Ауэзова, ни В. М. Борисов не пишут об этих авторских произведениях как о «низовой массовой городской литературе», написанной к тому же виртуозным арабским языком, непонятным без специальных комментариев⁹. Рассказы о плутах и бродягах были популярны как у неискушенных читателей, так и у людей ученых, но не вызывали интереса у средневековых литературоведов, относившихся к ним негативно¹⁰.

Макамам посвящена монография азербайджанского востоковеда А. Гасымовой «Сред-

¹ Дейф Шауки. Аль-Макаматун. – Аль-Кахира, 1954. – С. 156. (на араб.)

² Ихсан Аббас. Тарих аль-Абад аль-Араби. – Аль-Кахира, 1960. – С. 480; Таршун Махмуд. Миятунлейлатун ва лейлатун. – Тунис, 1979. – С. 560; Дейф Шауки. Аль-Макаматун. – Аль-Кахира, 1954. – С. 156. (на араб.)

³ «Самак-айяр или Деяния и подвиги красы айяров Самака, что царям служил, их дела вершил, был смел да умел». Кн. I. / пер. с перс., вступит. ст. и примеч. Н. Кондыревой. – М.: Наука-ГРВЛ, 1984. – С. 560.

⁴ Крачковский И. Избранные сочинения. Т. II–V. – М.–Л.: Наука, 1955–1960; Крымский А. История новой арабской литературы. – М.: Наука, 1971. – С. 778.

⁵ Фильштинский И. Арабская литература в средние века. – М.: Главная редакция Восточной литературы (ГРВЛ), 1977. – С. 13–15.

⁶ Аль Хамадани. «Макамы» / пер. с арабск. А. Долининой, З. Ауэзовой; вступит. статья А. Долининой. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. – С. 227.

⁷ Шидфар Б. Предисловие к книге «Средневековые арабские повести и новеллы» / пер. с арабск. Р. Алиева. – М.: Наука, 1982. – С. 2–14.

⁸ Борисов В. «Макамы» аль-Харири как произведение средневековой арабской литературы. // Народы Азии и Африки. – М., 1971. № 2. – С. 143–149.

⁹ Аль Харири. Макамы / пер. с арабск. В. Борисова, А. Долининой, В. Кирпиченко; вступит. статья В. Борисова и А. Долининой. – М.: ГРВЛ, 1987. – С. 266; Аль Хамадани. «Макамы» / пер. с арабск. А. Долининой, З. Ауэзовой; вступит. статья А. Долининой. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. – С. 227.

¹⁰ См., например: Аль Джахиз. Китаб аль-Бухала / пер. с арабск., предисловие и примечания проф. Х. К. Баранова. – М.: Наука, 1965. – С. 54–62, а также Ибн аль-Джаузи. Китаб аль-Азкия // Восходы Лун на стоянках веселья / пер. с арабск. А. Долининой. – Л.: Художественная литература, 1983. – С. 132–172.

невековая арабская плутовская новелла»¹, однако, на наш взгляд, название монографии не соответствует её содержанию, так как в ней рассматриваются произведения фактически одного автора – Бади аз-Замана Хамадани. Наш анализ содержания и словесного оформления макам позволяет проследить, точнее сказать, предположить, как складывался этот удивительный симбиоз авантюрного сюжета и ученой литературы². При чем надо отметить, что макама – жанр особый, он возник не как народный, а как сугубо книжный, отвечающий всем требованиям литературы высокого стиля. Необходимо также заметить, что не все макамы Бади аз-Замана описывают проделки «детей Сасана»³. Даже если отнести к плутовским или «нищенским» и макамы, восхваляющие Халифа (ибо восхваление есть своеобразный способ вымогательства), то из 400 макам, написанных Бади аз-Заманом, только 42 можно отнести к плутовским. Но об этом А. Гасымова не пишет.

Большой вклад в изучение арабской народной литературы внесли узбекские ученые, однако в их исследованиях не затрагивались проблемы новых взаимоотношений между литературой и фольклором, т.е. между фольклором письменности и письменностью фольклора.

В средневековой литературе арабского мира мы имеем две группы текстов, в совокупности представляющих собой некий резервуар, в котором обе группы текстов обмениваются культурными ценностями. Роль посредника между народной и «ученой» литературой, открытость как для фольклорного наследия, так и для достижений профессионального искусства, сообщает городской литературе

особую ценность, позволяет увидеть её значение в системе всего последующего развития арабской литературы.

За годы независимости узбекскими востоковедами был внесен значительный вклад в изучение средневековой литературы народов Востока. В частности, в нашей монографии «Новелла в классической арабской литературе»⁴, рассматривается классическая «ученая» новелла и проводится сравнительно-типологический анализ с новеллой не только народов Востока, но и Запада. Давая определение новеллы как жанра, мы обращаемся к Гёте, которому принадлежит одно из самых ранних определений новеллы. В разговорах с Эккерманом⁵ Гёте формулирует сущность новеллы, с которой, мы, в принципе, согласны: «одно необычайное происшествие»⁶. Однако ошибка Гёте состояла, на наш взгляд, в том, что он искал абсолютные критерии жанра и подходил к решению вопроса, не учитывая исторической изменчивости литературы, классовой природы литературных произведений. Этот подход привел к тому, что признаки, характерные для новеллы, занимательного рассказа в один определенный промежуток времени «для творчества определенного класса», канонизировались как признаки, необходимые, характерные для жанра в целом.

Определенный интерес представляет диссертация казахского исследователя Ж. Серикбаевой, изучившей один из наиболее популярных жанров арабской средневековой литературы – *навадир* – занимательный рассказ, точнее анекдот⁷. В данной диссертации анализируется сборник навадир Наср ад-Дур Мансура аль-Аби. Однако автор не смог уделить долж-

¹ Гасымова А. Средневековая арабская плутовская новелла. – Баку: Элм, 2007. – С. 169.

² Так, например, «Макамы» Аз-Замахшари вообще носят характер бесед на богословские темы.

³ По легенде это прозвище восходит к имени родоначальника 4-ой династии персидских царей – Сасанидов. Согласно этой легенде, Сасан, в юности будучи изгнан своим отцом Бахманом, ушел в горы к курдам, где собирались бездомные бродяги. Став их предводителем, он какое-то время провел среди них.

⁴ Мухтаров Т.А. Новелла в классической арабской литературе. – Т.: Узбекистон, 2002. – С. 190.

⁵ И. Эккерман – секретарь Й. Гёте, писатель.

⁶ Эккерман И. Разговоры с Гёте / пер. с немецк. Н. Мана. – М.: Художественная литература, 1981. – С.125.

⁷ Серикбаева Ж. Жанр «навадир» в антологии Наср ад-Дурр Мансура ал-Аби.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Т.: ТашГИВ, 2001. – С. 28.

ного внимания *навадир* как культурному феномену средневекового арабского города, как специфическому явлению народной городской культуры Арабского Востока.

Особенности китайской средневековой новеллистики рассмотрены в монографии Дж.Зиямухамедова¹, в которой исследователь сосредоточил свое внимание на волшебной новелле XVII века, отдельно оставив на цикле новелл о ворах и плутах, не выделяя однако их в особое жанровое единство и не акцентируя внимания на юморе и сатире в средневековой китайской новелле, анекдоте, занимательном рассказе.

К сожалению, эти исследования далеки от той полноты, которой, бесспорно, заслуживает городская средневековая литература Востока, в том числе арабского. С одной стороны, эта неизбежная неполнота обусловлена причинами субъективного характера, с другой – недостаточной изученностью как всего корпуса текстов, относящихся к этому культурному слою, так и общих философских и эстетических основ анализируемого литературного течения. В арабистике в последнее время наблюдается определенная активизация изучения «низовой», «массовой» литературы, основанная на осознании её культурной ценности. Одним из проявлений этого сравнительно недавно начавшегося и далекого от завершения процесса явилось бы написание исследования, где будет предпринята попытка сочетать задачи описания и интерпретации средневековых текстов.

Определяющая роль жанров в средневековой литературе и их взаимосвязанность обуславливают характер средневекового литературного процесса. В отмирании или видоизменении одних жанров, рождении других и вызванной этими процессами перестройки системы словесности и проявляет себя реальная литературная эволюция. При этом для подлинно исторического изучения литературной системы необходимо иссле-

довать не только сами литературные памятники, но и присущие данной системе традиции и зафиксированные ею представления о литературе. Изучение истории становления отдельных жанров, генезиса, эволюции поэтики его восприятия дает адекватное представление о его ценности в национальном и мировом масштабе, о творчестве средневековых писателей и поэтов и их месте во всемирной литературе.

Наряду с религиозной и светской литературой, культивировавшейся в высших сферах (иногда её называют «ученой» литературой), в Халифате в средних и низовых слоях общества развивалась литература и иного рода, произведения которой были адресованы, прежде всего, простому люду, хотя чтением и даже сочинением её не гнушались и представители верхних социальных слоев, которую мы определяем как *городская литература*.

Произведения городской литературы включались в популярные на средневековом арабском Востоке антологии, в частности: «Китаб аль-асиам» Ибн аль-Калби /ум. в 821 г./, «Китаб аль-байан ва-т-табийин» Аль-Джахиза /775–868/, «Сират ан-Наабвия» Ибн Хишама /ум. в 834 г./, «Захру аль-адаб» Абу Исхака аль-Хусри /ум. в 922 г./, «Аль-Икд аль-фарид» Ибн Абд ар-Раббиhi /858–940/, «Уйнун аль-ахбар» и «Аш-Шир ва ашшуара» Ибн Кутейбы /828–889/, «Аль-Фарадж баадда аш-шиддатун» Ат-Таннухи /940–994/, «Маджмау аль-амсаль» Аль-Мейдани /ум. в 815 г./, «Мурудж аз-захаб» Аль-Масуди /ум. в 956 г./, «Аль-Мустатриф фи кули фанн аль-мустазриф» Аль Абшихи /1388–1446/, «Саират аль-аврак» Аль-Хамави /1366–1434/, «Ахбар аль-азкия» Ибн Аль-Джаузи /1116–1200/, «Китаб аль-агани» Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани /897–967/, «Киссасу аль-анбия», «Айям аль-араб», «Тарих аль-хуляфа» и «Хайат ас-сахаба» и другие.

Надо отметить, что зарождение и распространение городской литературы в арабском средневековье, отличающейся литературным многообразием и богатством образной системы и языка, было связано с развитием и расцветом городов и подъемом развития ремесел, наук и искусств, оживле-

¹ Зиямухамедов Дж. Пу Сунглинг ва Ўрта аср хитой новеллари. – Т.: Чўлпон номидаги нашриёт, 2016. – С. 262.

нием торговых и иных контактов. Городская литература находилась в сложных взаимоотношениях с фольклором, и именно в фольклоре следует искать литературные прототипы образа «аййара». Связью с фольклором во многом определяются особенности городской литературы, которая, кроме всего прочего, позволяет судить о смеховом мире средневекового арабского города,

Литературно-историческая типология в применении к изучению средневековых лите-

ратур в ряде случаев позволяет одновременно и соразмерно рассматривать две главные проблемы всякого исторического литературоведения: народную оригинальность и международную общность каждой изучаемой литературы. Литература и фольклор всех народов и государств средневековья возникали и развивались в постоянном широком общении, обогащая друг друга в целом за счет присутствия каждому из них в отдельности национальных достоинств.

БОБУРИЙЛАР ДАВРИ ЗУЛЛИСОНАЙН ШОИРЛАРИ

НИЗОМИДДИНОВ НАЖМИДДИН

Филология фанлари доктори, ТИУ

Аннотация. Мазкур мақола бобурийлар даврида яшаб ижод этган, мамлакатдаги туркий ва форсий билингвизм адабиёти ривожига катта ҳисса қўшган иккитилли шоирлар ижодида бағишланган. Бу маънода Ҳиндистон кутубхоналаридан топилган Байрамхон, Мирзо Комрон, Юсуф Фарёбий ва Абдурахимхонлар девони юқоридаги фикримизга яққол далил бўлиб хизмат қилади.

Таянч сўз ва иборалар: зуллисонайн, ҳиндавий, «забан-и урду», «браз-туркий», «ўрда-урду», бҳактий, дахлия, дўҳа.

Аннотация. Данная статья посвящается литературному наследию двуязычных поэтов Индии времен правления Бабуридов, которые оказали плодотворное влияние на развитие тюрко-персидского билингвизма в литературной жизни данной страны. В этом смысле диваны Байрамхана, Мирзы Камрана, Юсуфа Фаряби и Абдурахимахана, найденные в книгохранилищах Индии, являются ярким доказательством вышесказанного.

Опорные слова и выражения: двуязычие, хиндави, «забан-и урду», «браз-тюркски», «орда-урду», бхакти, дахлия, доха.

Abstract: This article is devoted to the literary heritage of bilingual poets of India lived during the ruling of Baburids, who had significant influence on the formation of the Turkic-Persian Bilingualism in literary life of the country. In this regard, the diwans of Bayramkhan, Mirza Kamran, Usuf Faryabi and Abdurakhim Khan discovered in manuscript funds of India could be an absolute proof of above mentioned.

Keywords and expressions: bilingualism, Hindavi, “Zaban-I Urdu”, “Braj-Turkic”, “Orda-urdu”, Bhakti, dakhliya, doha.

Бобур билан ёки ундан кейин Ҳиндистонга келган қалам аҳли орасида икки ва ҳаттоки уч тилда ижод этувчи шоирлар бўлган. Шунингдек, сарой ва бошқа давлат идоралари мулозимлари ичида ҳам етук зуллисонайн шоирлар фаолият кўрсатган.